

Грустная
история
мечтателя

Герой неизданного романа

Украденная невеста

Впрочем, судьба произведений Брайцева во многом перекликается и с его собственной биографией. Здесь немало удивительно и грустного. В юные свои годы он был горяч и дерзок, старость жестоко с ним за это расквиталась: доживал всеми забытый. Он появился на свет в год отмены крепостного права, в 1861 году. Но сюда, в глухое село Забельшин на окраине Могилевщины, реформы когда еще доберутся. Усадьбы с ко-

Его имя есть в энциклопедиях и справочниках белорусских писателей. Но не пытайтесь познакомиться с его творчеством. Оно не издано. Ни одного произведения. И хотя имя Якуба Брайцева нельзя назвать абсолютно забытым (в справочниках ведь наличествует!), на сегодня он — самый неизвестный писатель в нашей стране.

Такой вот парадокс: писатель без произведений — будто улыбка без кота из сказки Льюиса Кэррола. Простите, не самый удачный пассаж. Это скорее от несправедливости.

Вот так просто, всего лишь

Сотрудник архивного управления
Т.Трухина, директор
архива-музея
К.Жорова и Василий
Брайцев. 1961 год.

— Революцию Брайцев встретил уже совсем нездоровым, — рассказывает директор БГАМЛИ Анна Запартько. — И хотя дослужился до уездного прокурора, эти годы его биограф, литературовед Доминиковский, вспоминает как угасание. Не в силах он был тягаться с теми молодыми и дерзкими, которые пришли в белорусскую литературу в начале 20-х годов прошлого века. На мой взгляд, если бы в свое время он не разорился, если бы уже готовые к печати повести тогда увидели свет, думаю, сегодня мы могли бы говорить об имени совершенно другого порядка в нашей литературе...

Наследие в чемоданах

Наверное, и то немного, что известно сегодня о Якубе Брайцеве, не сохранилось, если бы в 1961 году его сын, известный московский хирург Василий Брайцев, не написал письмо Петрусю Бровке (в ту пору он возглавлял Союз писателей БССР). Было это в год столетия Якуба Брайцева. Известный доктор решил подарить Беларуси архив своего отца. По его мнению, это было справедливо. Ведь именно о родной Могилевщине были все отцовские произведения.

— В последние годы жизни он жил в Забельшине, словно во внутренней эмиграции, — говорит Анна Запартько. — Писал, писал. В этом неистовом писательстве был своего рода надлом. Наверное, чем больше осознавал, что строкам, выстукиваемым на старой машинке, не суждено увидеть свет, тем отчаяннее работал...

Его рукописи ждали своего часа очень долго. По некоторым правам, будто по кольцам на стволе дерева, можно подсчитывать возраст произведения. Скажем, когда автор правит — «первая революция», становится

нопляниками и огородам, да еще почти столько же пашни вокруг — вот и вся «уруга», — так писал Якуб Брайцев о малой своей родине в рассказе «Дудолева лоза».

Несмотря на то что детей в семье было много, дом слыл щедрым и дружным. Позже благодаря поддержке друг друга все братья получили высшее образование. Якуб был старшим: после уездного училища в Климовичах пришлось «идти в люди». И хоть тянуло его к высокому штилю, хоть обожал он русскую литературу, — после того как услышал Лермонтова, даже «всю ночь не спал», пришлось работать помощником писаря Забелышинского волостного правления, а позже — конторщиком на сахарном заводе помещика Терещенко.

Как старшего сына больного отца, как кормильца, от призыва в армию его освободили. Вот только мечтам отцовским не суждено было сбыться: Якубу хотелось большой жизни. Сельская рутинная претила юному мечтателю. И он сбегает из дому. Конечно, едет в Москву. Туда, где любимые писатели, туда, где жизнь. Но надо знать характер этого отчаянного малого: он еще и невесту, фельдшерницу местной больницы, выкрал. По дороге на Рославль, на станции Звенчатка, они обвенчались.

Поначалу ничего, кроме романтики, предложить молодой жене он не мог. Но вскоре жизнь наладилась: Якуб нашел отличную работу — в конторе известного московского купца-цветовода Федора Ноева. Между прочим, чудные луковицы для тюльпанов в то время вагонами доставлялись в Москву из Голландии, а стеклянные питомники Ноева располагались прямо в Замоскворечье. Впрочем, Брайцева все эти «пестики-тычинки» мало занимают. Не внемля благоуханием гиацинтов, он грезит о литературном поприще. Все свободное время пропадает в Румянцевской библиотеке. Возможно (этот факт его биографии так и остался невыясненным), в это время он сумел получить образование. Потому вскоре стал работать адвокатом. Не с дипломом же климовичского уездного училища, в самом деле...

Вечера в Ясной Поляне

В ту недолгую сытую московскую пору вышло его произведение «Богачи. Повесть

по стечению обстоятельств, может исчезнуть человек. Не самый, между прочим, заурядный. Наследие писателя так и остается архивной тайной.

Она вроде как и не за семью печатями — хранится в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства. Всякий жаждущий может в нем поработать.

Вот только много ли доводилось слышать об этом забытом имени? А между тем в свое время личность была выдающаяся: авантюрист-адвокат с замашками Робин Гуда.

из белорусской престопадной жизни». Он издал его за собственные деньги в знаменитой типографии Кушнерева. Академик Карский в своей работе «Белорусы» назвал повесть «талантливой», а Лев Толстой, прочтя ее, стал приглашать Брайцева в Ясную Поляну. Известно, что в конце 90-х годов прошлого века писатель был не только вхож в дом Толстых, но и считался там достаточно близким знакомым. Он нередко вспоминал потом о тех счастливых днях, которые проводил в имении Толстого, о долгих спорах, о гостеприимстве Софьи Андреевны. Позже Брайцев напишет об этом времени психологический этюд «Иуда».

Литература грела душу, но денег не приносила. Появились дети. Спустя какое-то время Брайцев решает открыть собственный цветочный магазин. Сперва дело вроде как пошло спорно, но вскоре, когда хозяин к нему совершенно охладел, прогорело. Все, что было нажито за многие годы московских скитаний, пропало. Но даже не этот крах вышиб купца-писателя из седла: уже набранные в типографии «Дудолева лоза» и «Невдашечка Анюта» были «рассыпаны». Именно это и стало последней каплей. К тому же беда не приходит одна. Из Забелышина приходит печальная весть: скончался отец Якуба. Супруга, Прасковья Сергеевна, кое-как разобравшись с кредиторами, повезла в 1900 году совершенно сломленного мужа назад в Могилевскую губернию. Так он вернулся к тому, от чего бежал 20 лет назад.

Стряпчий за народное добро

К делам экономическим он охладел, похоже, навсегда. Хутор Средний, доставшийся Брайцеву в 1911 году на волне Столыпинской аграрной реформы, постепенно приходит в упадок. Неожиданно он нашел новое призвание: уже через два года становится самым популярным человеком в Климовичском уезде, настоящим народным героем, о котором слагают легенды. Брайцев занимается адвокатской практикой. Крестьяне косяками стекаются из окрестных деревень, «пеше, по два дни» идут. Слава о «стряпчем Якубе», бескорыстном ходатае за неграмотных и обездоленных, разлетелась по всей губернии. Бог весть какими способами, но ему удается доказывать правоту забытых крестьян во многих имущественных и земельных спорах. Это в Могилевской — то губернии, в глуши Российской империи, в самом начале XX века!

В эти годы он пишет свой главный роман «Среди лесов и болот» — об Александре Савицком, белорусском Робин Гуде, промышленнике в лесах Могилевщины. Это имя целых три года гремело по всей России. Он грабил богатые поместья. А после раздавал добытое крестьянам. Многие знали, где Савицкий прячется на болотах, без всякой боязни приходили к нему. Одним он давал денег, другим — корову или поросенка. Именно таким образом выражалась потребность этого бунтаря-одиночки в мировой справедливо-

сти, что дело проходило уже после второй Десятилетиями они не издавались, только правились, переключались и ждали своего часа.

Весной 1961 года сын писателя Василий Яковлевич прибыл в Минск с увесистым багажом: в чемоданах — рукописи отца, его неизданные произведения. Директор только что созданного архива-музея литературы и искусства Клара Жорова встречала его на вокзале. Еще бы, фонд писателя Якова Брайцева (именно так значится в документах) стал одним из первых в собрании архива. Василий Яковлевич встречался тогда с белорусскими писателями, с Петрусем Бровкой: после необходимой обработки, заверили его, произведения Брайцева будут подготовлены и изданы.

— Сбылось это лишь отчасти: архив писателя сохранен и изучен. Произведения не изданы, — констатирует сегодня Запартыко.

Многие годы изучением наследия земляка занимался писатель Алесь Письменков. В биографии Брайцева стало куда меньше «белых пятен», но вот произведения его Алесь Владимирович издать не успел — недавно его не стало. Работу над подготовкой текстов Анна Запартыко завершила уже одна:

— Когда первый набор был совершенно готов, осталось, что называется, точку поставить, — весь текст исчез, пришлось все начинать заново. А теперь вот уже 3 или 4 года рукопись дожидается своего часа в «Беларускім кнігазборы».

Такая вот история. Немного романтическая, немного мистическая и очень грустная. Увы, идеалист и мечтатель Яков Романович Брайцев — отнюдь не единственное имя, забытое жестоким веком. Но ведь ничего случайного в мире нет. И если спустя почти столетие находят люди, которые извлекают на свет Божий пожелтевшие страницы, напечатанные на стареньком «Ундервуде», и возятся с ними, будто с новым открытием, и верят в то, что это действительно неповторимо, значит, это кому-нибудь нужно. И появляется хоть маленькая, но надежда. На то, что одним, почти уже совсем стертым, именем в «книге судеб» все-таки станет меньше.

Светлана ЛИЦКЕВИЧ, «СБ».